

1974 год.
Фото Ефима Бейлина

ОН ПЕЛ О ЕВРЕЯХ, О СТАЛИНЕ...

(Окончание. Начало на стр. 9)

Премьера состоялась 5 февраля 1941-го. Гинзбург-Галич исполнял в спектакле роль комсорга Борщеговского, скрывающего под личиной правого верного комсомольца звериный оскал троцкиста. При желании здесь можно уже видеть причудливый пунктир судьбы. Тем более что в финале герой уезжает в Москву и неизбежный, по-видимому, арест его остается за рамками спектакля...

В 56-м году Арбузов издал эту пьесу только под своим именем, хотя в предисловии называл всех, причастных к ее созданию. «...Он не только в самом прямом значении этого слова обокрал павших и живых, — напишет Галич в «Генеральной репетиции». — Это бы еще полбеды! Отвратительнее другое — он оскорбил память павших, оскорбил и унизил живых! Уже зная все то, что знали мы в эти годы, он снова позволил себе вытаскать на сцену, попытаться выдать за истину ходульную романтику и чудовищную ложь (...) Политическое и нравственное невежество нашей молодости стало теперь откровенной подлостью»...

Именно с легкой руки Арбузова, с его выступления на секретариате Союза писателей в 71-м Галича начнут обвинять в мародерстве — в присвоении себе чужой трагической биографии. И аэропортовское сообщество, несмотря на весь свой либерализм, с большим удовольствием смаковало это бессмысленное обвинение. Равно как и перипетии многообразной личной жизни барда, все его увлечения, рождение побочного сына, пьянки, морфий... Его антиквариат, фарфор, замшевые пиджаки, красоту и снобизм его второй жены Ангелины. И прочая, и прочая... Ибо советские литераторы — вкуче с женами, любовницами и детьми — ревнивы и завистливы... Конечно, разговоры рождались не на пустом месте — каждый миф творился из ростков реальности (например, про антиквариат Корнилова или Чичибабина разговоров не было!). С другой стороны, сам Галич, будучи плоть от плоти своих соседей и в то же время по натуре человеком честным, ощущал в связи с этим определенный дискомфорт. В интервью за границей он объяснял, что его «Облака» («Я подковой вмерз в санный след, / В лед, что я кайлом ковырял... / Ведь недаром я двадцать лет / Протрубил по тем лагерям!..») — написаны от лица его двоюродного брата Виктора, отсидевшего 24 года... И говорил о мечте — «кроме своей жизни, прожить еще какими-то жизнями»...

Его собственная творческая биография шла странным путем — вроде бы прямым, по восходящей, но на самом деле извилистым. И всех удивляло внезапное превращение баловня судьбы, преуспевающего члена двух союзов, в аутсайдера, в изгоя. «Я как-то спросил у Галича: «Откуда (из «ничего» — подразумевалось) у вас такое поперло? — вспоминает Андрей Синявский. — И он сказал, сам удивляясь: «Да вот неожиданно как-то так, сам не знаю»; разводя руками вокруг физиономии, похожей на светлого сына, — «вот так поперло, поперло, и все...» За десять дней до отъезда из СССР Галич говорил жестче: «...Мне все-таки было уже под пятьдесят. Я уже был благополучным драматургом, благополучным советским холуем. И я понял, что так больше не могу. Что я должен наконец-то заговорить в полный голос, заговорить правду»... И кажется, только тогда в его стихах очнулись темы и мелодии его сверстников, и прежде всего сумрачный аполлон-григорьевский перепляс, увлекавший Павла Когана. Достаточно сравнить стихотворение Когана «Поезд» («В поле темень, в поле жусть — / Осень над Россией» (1937) с галичевским «Ночным разговором в вагоне-ресторане» из «Поэмы о Сталине» (1968):

Вечер, поезд, огоньки,
Дальняя дорога...
Дай-ка, братец, мне трески
И водочки немножко...

«Работа в степени романтики — вот что такое коммунизм!» — гениально точно определил когда-то Михаил Кольчицкий. Писавший в те же годы советско-романтические пьесы, Галич спустя два десятилетия будто очнулся: его «Прощание с гитарой» (1964—1966) — запоздалое, но беспощадное прощание с иллюзиями молодости, беспощадное прежде всего по отношению к себе самому:

Когда ж ты стала каяться
В преклонные лета, —
И стать не та, красавица,
И музыка не та!
Все в говорок про странствия,
Про ночи у костра,
Была б, мол, только санкция,
Романтики сестра.
Романтика, романтика
Небесных колеров!
Нехитрая грамматика
Небитых школьников.

Как ни странно, но впрямую Галич назвал имена тех своих друзей, кажется, лишь однажды — в странном «Реквиеме по неубитым» (1967), который возник из неверно понятой им информации о Шестидневной войне. Галич клеймил в стихах Гамалю Насера, «красавчика, фашистского выкорыща» (о, неистребимость советской фразеологии!), незаслуженно увенчанного советскими наградами:

Должно быть, с Павликом Коганом
Безжал ты в атаку вместе,
И рядом с тобой под Выборгом
Убит был Арон Копштейн...

Тут возникает еврейская тема, главным певцом которой в 60-е годы стал Галич: «Вы не шейте ливреи, евреи, / Не ходите вам в камергергах, евреи» и т.п. В то время в самиздате уже ходил роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», где проводилась параллель между сталинскими и гитлеровскими концлагерями. И когда в подцензурной печати писали, например, о Гитлере и Бухенвальде, догадливые читатели понимали — это о Сталине и Кольме... Таков был модус эпохи, дух времени... Галич пел о «тенях всех бутырок и трелинок», о том, как «Уходит наш поезд в Освенцим, / Наш поезд уходит в Освенцим. / Сегодня и ежедневно!» (Памяти Михоэзла, 1964—1968). Тогда же он написал поэму «Кадиш» — поминальную молитву по Янушу Корчаку и погибшим с ним детям... Поэма шла как бы в пандан к очерку Александра Шарова «Януш Корчак и наши дети», опубликованному в «Новом мире» (1966, № 10).

Именно еврейская тема, болезненно воспринимаяемая не только советскими евреями, но и советским начальством, сделала непроходной его пьесу «Матросская Тишина» — об этом Галич рассказал в «Генеральной репетиции» (1974). Рассказал о том, как маленькая студия Художественного театра (впоследствии — «Современник») взялась эту пьесу ставить. Это замечательная проза, где история репетиции с Олегом Ефремовым и Олегом Табаковым, с партийными дамочками, с директором МХАТа Солодовниковым и прочими, сопрягается с историей его жизни — своего рода биография под ракурсом тяжелого события. «...Вы что же хотели, Александр Аркадьевич, чтобы в центре Москвы, в молодом столичном театре шел спектакль, в котором рассказывается, как евреи войну выиграли?!

Нет, нет, упаси меня Бог, я этого, разумеется, не хочу!»

Другой роковой темой Галича стала тема Сталина. Возможно, потому, что когда-то он не в меру обольщался вождем. А впрочем, может быть, просто под влиянием разоблачения «культы личности» и возвращения из лагерей тех, кто выжил, — все это Галич, обладавший по-актерски острым политико-бытовым чутьем, улавливал из воздуха. В его «Поэме о Сталине» вождь вступает в конкуренцию с самим Иисусом Христом, напоминая тем самым о Великом Инквизиторе Ивана Карамазова: «Я не повторю твоих ошибок, / Ни одной из них не повторю!» Но потом, на пороге смерти, сбивчиво и истово молит о помощи: «Прости мне, Отче, / Спаси, прости...» Это тоже своего рода романтика — уже романтика шестидесятых, уверенная в том, что палачей ночами мучает совесть... Впрочем, трагическая возвышенность речи вскоре сбивается с известными строками:

«Кум» докучал огурец
И закончил с мукою:
«Оказался наш Отец
Не отцом, а сукою...»

Романтика 60-х, их, может быть, главный слоган тоже из Галича — из «Поэмы о Сталине»:

А бояться-то надо только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»
Гоните его! Не верьте ему!

Он врет! Он не знает — как надо!

У Александра Галича были возможности влиять на формирование общественных идей и, в отличие от многих, у него хватало на это и гражданских, и творческих сил. Что касается собственно литературы, то его раскрепощенные интонации нетрудно обнаружить в стихах современных поэтов (и прежде всего у Тимура Кибирова).

Кроме того, у него была харизма! Как вспоминает один из его истовых поклонников, «Если бы Галич был священником, я бы наверняка стал верующим» (это архитектор-строитель Владимир Ямпольский из Якутии, который организовал так называемую якутскую стипендию — около года собирал для опального барда по 200 рублей в месяц!).

Что касается его смерти... Во всяком случае, КГБ к ней вряд ли имеет хоть какое отношение.

